

Е. В. Детлова, А. М. Буровский, С. В. Кузьминых

Конфликт В. А. Городцова и Геро фон Мергарта в контексте истории науки

Keywords: V.A. Gorodtsov, Gero von Merhart, history of archaeology, professional relations, conflict.

Cuvinte cheie: V. A. Gorodțov, Gero von Merhart, istoria arheologiei, relații profesionale, conflict

Ключевые слова: В.А.Городцов, Геро фон Мергарт, история археологии, профессиональные взаимоотношения, конфликт.

E. V. Detlova, A. M. Burovsky, S. V. Kuzminykh

Conflict of V.A. Gorodtsov and Gero v. Merhart in the Context of the History of Science

The article reveals the little-known facts about the relations of the famous European scholars — the leader of the Soviet archaeology in 1920s V.A. Gorodtsov and the Austrian archaeologist Gero von Merhart. The conflict between them occurred in 1924 and led to a break of their contacts. The authors analyze the causes of the conflict, consider the behavior of its participants, and estimate its implications for the history of archaeology.

E. V. Detlova, A. M. Burovsky, S. V. Kuzminykh

Conflictul dintre V. A. Gorodțov și Gero v. Merhart în contextul istoriei științei

Articolul prezintă unele informații mai puțin cunoscute despre relația dintre doi mari oameni de știință europeni – figura de vârf a arheologiei sovietice din anii 1920, V.A. Gorodțov, și arheologul austriac Gero von Merhart. În 1924, între acești savanți s-a declanșat un conflict profesional și personal, care a dus la întreruperea contactelor reciproce. Autorii analizează cauzele, mersul conflictului, apreciază comportamentul participanților la conflict, dar și estimează consecințele lui pentru istoria arheologiei.

E. В. Детлова, А. М. Буровский, С. В. Кузьминых

Конфликт В. А. Городцова и Геро фон Мергарта в контексте истории науки

В статье раскрываются малоизвестные факты, касающиеся взаимоотношений двух крупнейших европейских ученых — лидера советской археологии 1920-х гг. В.А. Городцова и известного австрийского археолога Геро фон Мергарта. В 1924 году между учеными произошел профессионально-личный конфликт, который в итоге привел к прекращению их контактов. Авторами статьи подробно анализируются причины, ход течения конфликта, дается оценка поведения его участников, а также его последствий для истории археологии.

Самые грустные слова на земле: «И всё это могло бы быть».

Французская поговорка

Любую науку невозможно представить без личного фактора, а ее изучение — без внимания к ее непосредственным участникам и создателям. Не менее важным, чем анализ и оценка их вклада в науку, является история взаимоотношений ученых и «междоусобных» связей в мировом научном сообществе. Василий Алексеевич Городцов и Геро фон Мергарт, герои нашего повествования, — ярчайшие представители своего направления в археологии первых десятилетий XX века.

Для археологии Германии фигура Мергарта имела такое же исключительное значение, как и фигура Городцова — для российской. Оба стали родоначальниками новых направлений исследований и научных традиций

и школ. Их труды и работы их учеников, лидеров советской и немецкой археологии, на долгое время определили основные векторы развития этой дисциплины не только в своих странах, но и в Европе в целом. Даже в судьбе Городцова и Мергарта можно найти немало общих черт. За плечами у обоих, помимо выдающихся достижений в науке, была армия¹,

¹ В. А. Городцов более четверти века прослужил в русской армии (Белозёрова, Кузьминых, Сафонов 2011: 477, 488). Геро фон Мергарт был втянут в события Первой мировой войны и к знакомству с сибирскими древностями приступил будучи военнопленным австро-венгерской армии (Детлова 2011: 90).

роднит их и музейная работа². Наконец, оба успешно сочетали научно-исследовательскую деятельность с преподавательской: Городцов был учителем многих московских археологов³, Мергарт — основателем марбургской научной школы.

Знакомство этих ученых началось заочно. К 1920 г., ко времени первых контактов с Мергартом, Городцов уже представлял собой достаточно значимую фигуру в российской археологии. К тому времени были изданы его базовые труды по археологии России: «Русская доисторическая керамика» (1901), «Первобытная археология» (1908), «Бытовая археология» (1910), «Руководство для археологических раскопок» (1914), «Культуры бронзовой эпохи в средней России» (1915), без ознакомления с которыми дальнейшее продвижение в российскую науку о древностях было бы крайне затруднительно. Это очень хорошо осознавал Мергарт, когда практически интуитивно, располагая ограниченным багажом знаний по доистории альпийских областей и руководствуясь немногочисленными отчетами сибирских исследователей, которыми исчерпывался фонд специальной литературы в Красноярске, погружился в мир сибирских древностей.

Для того, чтобы получить работы Городцова, Мергарт обратился напрямую к автору. Вероятно, этот шаг он предпринял по совету и при содействии своего красноярского коллеги Н.К. Ауэрбаха, ученика Городцова по Московскому археологическому институту. В личном архиве Мергарта в Марбургском университете сохранился ответ российского ученого (25.05.1920), в котором тот с сожалением сообщает, что «был бы очень рад выслать Вам все книги, какие Вы просите, но, к глубокому сожалению, ни одной из них у меня нет,

так как их издания распроданы окончательно»⁴. Однако Василий Алексеевич обещал прислать сданные в печать «Археологию. Каменный период» и «Археологическую классификацию»⁵, которые «могут оказать некоторую помощь в ориентировке среди необозримой массы археологических памятников, скопившихся в разных музеях Р.С. Ф.С.Р», когда «увидят свет» (АМУ. Городцов_Мергарту. 25.05.1920).

Личная встреча ученых состоялась годом позже, летом 1921 г., в Москве, когда Мергарт после семилетней разлуки с родиной возвращался в Германию. По пути он останавливался в городах Европейской России для работы в музеях. Судьба свела его с выдающимися российскими учеными: в Казани с востоковедом Н.Ф. Катановым, географом и этнологом Б.Ф. Адлером, в Москве с археологами В.А. Городцовым и П.П. Ефименко (до 1923 г. работавшим в Риме), антропологом и этнологом Д.Н. Анучиным, в Петрограде с археологом А.А. Спицыным и многими другими. Встречи с ними Мергарт подробно описал красноярским коллегам в письме из Москвы (25.07.1921). Первые впечатления от общения с Городцовым — исключительно позитивные: «Проф. Городцов встретил меня с большой сердечностью и в первую очередь поздравил с тем, что я смог использовать свое время в Енисейской губернии без помех со стороны преемницы Петербургской Археологической комиссии»⁶. Мы сразу приступили к палеолиту, и когда я завтра принесу туда свои наброски, у нас будет первая дуэль. Это теплое чувство, когда тебя сердечно принимает столь компетентный старший зарубежный собрат по профессии» (АКККМ. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 372. Л. 57).

В следующем письме, отправленном в Красноярск уже из Петрограда (24.08.1921), Мергарт более подробно остановился на некоторых нюансах своего пребывания в Москве. При этом значительное внимание он вновь уделит фигуре Городцова. Еще раз подчеркнул любезность и радушие русского коллеги («Городцов был в высшей степени любезен») (АКККМ. Ф. 1615. Оп. 1.

² В случае с Городцовым — это Российский (затем Государственный) Исторический музей (Белозёрова, Кузьминых, Сафонов 2011: 486—501), для Мергарта — музей Приенисейского края в Красноярске, а также музеи Тироля и Форарльберга в Австрии (Детлова 2011: 90—95).

³ Московская археологическая школа (в лице А.В. Арциховского, С.В. Киселева, А.П. Смирнова, А.Я. Брюсова, Е.И. Крупнова, Б.А. Рыбакова, Д.А. Крайнова и др.) по сути выросла из педагогической школы В.А. Городцова 1920-х гг. В.М. Фриче (1928: 7) отмечал, что Городцов «уверенной рукой... ведет своих учеников из университетской аудитории через полевую работу в стены Института Археологии и Искусствознания РАНИОН, где вокруг него растет молодая школа, которая, отправляясь от его концепции, будет развивать ее дальше в направления уже в ней самой заложенного социологического построения истории материальной культуры».

⁴ Далее при цитировании документов из архива Мергарта в Марбургском университете вводится сокращение АМУ.

⁵ Эти работы вышли спустя годы (Городцов 1923а; 1923б; 1925; 1926а; 1926б; 1926в; Gorotsov 1933).

⁶ Имеется в виду Российская Академия истории материальной культуры, учрежденная в 1919 г. на базе Российской Археологической комиссии.

Д. 372. Л. 57), который не только оказал действие исследованиям австрийского ученого, организовав его работу в столичных музеях, но также дал высокую оценку деятельности Мергарта в Сибири в своем письменном заключении. В нем, в частности, отмечается, что «работа д-ра Мергарта — “Beitraege zur Urgeschichte des Jenisseikreises” — заслуживает полного научного внимания, так как содержит освещение обильного материала, относящегося к глубокой древности. Эту работу следовало бы немедленно издать в Р.С.Ф.С.Р., но так как издание научных трудов у нас сильно затрудняется недостатком бумаги и других типографских принадлежностей, то очень желательно разрешение на издание её за границей, куда ее следовало бы пропустить без задержек, так как она окажет честь России» (АМУ. Городцов_Мергарту. 14.08.1921). Более того, Городцов предлагает Мергарту место в Российском Историческом музее, если тот пожелает остаться в России (АКККМ. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 372. Л. 65). Заурядному специалисту Василий Алексеевич вряд ли бы сделал подобное предложение.

С профессиональной точки зрения основной темой бесед ученых был сибирский палеолит. Хотя Мергарт не считал себя специалистом по каменному веку, первые его работы посвящены вопросам палеолита — и это не случайно. К тому времени именно к палеолиту, как наиболее изученной области археологии Сибири, было приковано внимание ученых на западе. Начало известности сибирского древнекаменного века положили сенсационные находки И. Т. Савенкова на Афонтовой горе в 1884 г., и уже со своего первого появления на XI сессии Международного антропологического конгресса 1892 г. в Москве палеолит Афонтовой горы привлек к себе внимание и интерес со стороны российских и иностранных археологов и стал предметом бурных обсуждений и дискуссий в научном мире.

По просьбе российских коллег Мергарт дважды выступил в Москве с докладами, посвященными енисейскому палеолиту, сначала в Обществе друзей Российского Исторического музея (29.06.1921), затем в Московском Археологическом обществе (14.08.1921). В ходе дискуссии в целом было признано наличие и самостоятельность енисейского палеолита, но мнения археологов разошлись по вопросам его датирования в соответствии с общепринятой тогда французской шкалой периодизации палеолита. Диапазон мнений при обсуждении в ОДРИМ и МАО, как

явствует из откликов Мергарта⁷ и Городцова⁸, был весьма широк.

В изложении Мергарта относительно находок в Батени российский ученый усматривал две эпохи: ориньякскую и мадленскую; П. П. Ефименко «пытался было сделать из этого неолит»; Д. Н. Анучин склонялся к поздней датировке енисейского палеолита и рассматривал его как «переход к неолиту». В изложении Городцова дискуссия протекала следующим образом. При обсуждении первого доклада именно он «должен был говорить, как присяжный оппонент, потому что никто сначала не заявлял желания возражать» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 156. Л. 129), а у него возражения были. Василий Алексеевич заметил, что «лёсс, относимый докладчиком к одной геологической эпохе, по всей вероятности, относится к двум смежным эпохам: 1) к межледниковой III и 2) ледниковой IV» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 156. Л. 129) и предположил, что флора и фауна, а также остатки индустрии в этих лёссовых отложениях будут различными. Российский ученый отмечал, что в индустрии им легко различаются орудия и ориньяка, и мадлена (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 156. Л. 131, 132).

Касаясь второго доклада в МАО, Городцов записал, что «нового д-р Мергарт ничего не сообщил. Он показал, что все палеолитические памятники Красноярского и Минусинского округа, залегающие в лёссе, должны быть отнесены к одному времени, именно, ориньяку: такое заключение он основывает на морфологии каменных и костяных орудий и геологических условиях залегания их в лёссе» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 156. Л. 134, 134 об.)⁹. Городцов в своем выступлении в МАО высказал те же

⁷ Судим об этом по его письму от 24.08.1921 г. в музей Приенисейского края после доклада в МАО (АКККМ. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 372. Л. 64).

⁸ В. А. Городцов оставил довольно подробное изложение докладов Г. Мергарта и их обсуждения в записке под названием «Сибирь. Палеолит» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 156. Выписки, заметки, конспекты по палеолиту на Кавказе, Украине, в Сибири и т. д.).

⁹ В. А. Городцов также сообщает, что П. П. Ефименко, не касаясь геологических и палеонтологических данных, отнес каменные орудия всех стоянок к древнему неолиту, очевидно, подозревая в них макролитическую культуру (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 156. Л. 134 об). Напротив, Д. Н. Анучин отнес эти орудия к концу палеолита. Касаясь совместного нахождения костей сайги и северного оленя, Анучин допускает возможность существования обоих видов животных в одно и то же время и в одной и той же местности несмотря на то, что северный олень считается лесотундровым, а сайга — степным животным (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 156. Л. 135).

мысли, что и при первом обсуждении, «добавив только, что в Батени, где найдено орудие, указывающее на принадлежность к верхнему ориньяку, очень неясные геологические условия залегания орудий, так как, по объяснению д-ра Мергарта, там находки сделаны на обнаженной поверхности галечника» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 156. Л. 136).

Австрийский ученый, отстаивая свое — «впрочем, с оговоркой» — суждение об отношении палеолита Енисея скорее к ориньякской эпохе, возражал оппонентам: «Слабость всех в том, что они не обладают сведениями о местах находок, но хотят соотнести факты с теориями, тогда как можно и нужно оспаривать их неправоту вескими доказательствами и новыми наблюдениями». Но при этом Мергарт сообщал красноярским коллегам, что «заседания были действительно интересными, и енисейский палеолит сейчас в мыслях людей», и выражал уверенность в том, что «когда-нибудь Городцов непременно придет к Вам».

Разногласия проявились и во время обсуждения докладов Мергарта в 1921 г., и намного позже. О «сибирском мадлене» писал П. П. Ефименко (1938), а о «енисейском ориньяке» — Н. К. Ауэрбах и В. И. Громов (Ауэрбах, Громов 1935), делая акцент на «местной специфике» памятников. Разумеется, многие археологи видели орудия енисейского палеолита и знали о том, что в нем встречаются разновременные по европейской классификации типы орудий. Но московские доклады Геро фон Мергарта стали одним из первых публичных обсуждений енисейского палеолита.

Все участники дискуссии правы и неправы одновременно, потому что енисейский палеолит вообще не мадлен и не ориньяк, он не укладывается ни в какие французские схемы. В дальнейшем, чем больше становилось известно о палеолите мира, тем чаще археологи сталкивались с памятниками, синхронными ориньяку, мадлену и тарденуазу, но типологически и технологически отличными от европейского палеолита. В 1960-е гг. было поставлено под сомнение само понятие верхнего палеолита как универсальной для всего человечества стадии¹⁰.

¹⁰ Г. П. Григорьев пришел к выводу, что «верхний палеолит — явление строго ограниченное по территории — Европы и Передней Азии. Вне этой территории есть либо самый конец верхнего палеолита (последние 2—3 тысячи лет), либо элементы верхнего палеолита на всем протяжении выступают только в соединении с мустьерскими или ашельскими» (Григорьев 1968: 18).

Осенью 1921 г. Мергарт возвратился в Германию. В течение нескольких последующих лет он занимается сибирской тематикой, публикует ряд статей, посвященных различным эпохам — от палеолита до железного века. В эти годы окончательно завершается его формирование как специалиста по эпохе раннего металла. Исследования в этой области увенчались изданием в 1926 г. труда «Бронзовый век на Енисее», получившего широкую известность и высокую оценку как европейских (Tallgren 1927), так и российских археологов¹¹. Всё это время Мергарт продолжает пристально следить за достижениями и открытиями своих коллег в России и новинками специальной литературы. В поле его зрения, конечно, попадали и работы Городцова. Он ссылается на них, использует в своих работах и скрупулезно реферировал доступные ему труды, как, например, отчеты о раскопках в 1901—1903 гг. в Изюмском и Бахмутском уездах (Городцов 1905; 1907). Литературой Мергарта снабжали его друг, известный финский археолог А. М. Тальгрэн, а также российские коллеги С. А. Теплоухов, М. П. Грязнов, Н. К. Ауэрбах, Г. П. Сосновский и др.

В личном архиве австрийского ученого сохранились черновики двух писем 1922 г., адресованных Городцову. Они написаны с большой теплотой и сердечностью, особенно первое из них, которое Мергарт начинает не совсем для него обычно: первый абзац, в силу глубочайшего уважения к личности знаменитого археолога, он пишет по-русски, что дается ему совсем не просто: «Глубокоуважаемый господин профессор! Вы уже думали, что я потерялся и убежал с Вашими книгами. Совсем нет. Вот — живу, работаю. Женился! Плохо вижу одним глазом. Читать, писать только левым могу. Все-таки работа идет. Сегодня послал проф. Обермайеру рукопись по енисейскому палеолиту. Кажется, что придется печатать в Нью-Йорке по-английски. Но теперь извините, если я дальше пишу по-немецки. Довольно трудно по-русски, и Вы, пожалуй, все равно не легче понимаете. Скверно пишу...» (АМУ. Мергарт_Городцову. 16.05.1922). Далее, перейдя на немецкий, Мергарт вспоминает некоторых московских знакомых, интересуется жизнью и делами самого Василия Алексеевича и даже тем (видимо, памятуя о царившем в России голоде, которого не смогли избежать и самые видные представители творческой и на-

¹¹ Судим об этом по письмам, полученным Мергартом от коллег из СССР (АМУ).

учной интеллигенции), «достаточно ли у Вас еды». Его интересуют также новые достижения в сибирской археологии, успехи коллег, ситуация с изданием археологической литературы в Советской России. Мергарт убедительно просит Городцова писать ему и по возможности посодействовать в получении его книг. В конце письма он снова возвращается к воспоминаниям о радушии своего старшего коллеги, с которым тот принимал его в Москве, об оказанной тем помощи и надеется на продолжение сотрудничества.

Второе письмо следует всего полмесяца спустя. В нем, помимо традиционных приветов коллегам и пожеланий относительно литературы, Мергарт просит также о присылке снимков некоторых находок, необходимых ему для дальнейшей работы (АМУ. Мергарт_Городцову. 01.06.1922).

Третьего письма не последовало, поскольку на предыдущие Мергарт так и не дождался ни ответа, ни просимой им литературы. Книги Городцова позднее он получил от красноярцев (АМУ. Ауэрбах_Мергарту. 28.06.1926).

Чувствуется, что отношение корифея русской археологии к своему иностранному коллеге за это время кардинально изменилось. Узнать подлинные мотивы этой перемены не представляется возможным. Первопричиной, как мы можем предположить, стал выход статьи Мергарта в «*American Anthropologist*» (Merhart 1923), о рукописи которой («*Beiträge zur Urgeschichte des Jenisseikreises. I. Paläolith*») двумя годами ранее Василий Алексеевич отзывался вполне благожелательно¹². Для Городцова, который свое видение енисейского палеолита изложил в только что вышедшем курсе «Археологии» (1923а), основываясь в основном на старых работах И. Т. Савенкова, выход статьи Мергарта в известном междуна-

родном журнале и с иной трактовкой палеолита Енисея, безусловно, стал раздражающим фактором. Представления Городцова о характере и хронологии енисейского палеолита являлись для профессионалов существенно более уязвимыми, нежели новые, неотягощенные классическими догмами периодизации европейского палеолита взгляды Мергарта. Диспут по существу между обоими учеными был бы явно не в пользу Городцова, тем более по сравнению с 1921 г., когда он спорил с человеком еще без имени в научном мире. В 1924 г. ситуация была уже иной. И Городцов прибег к дискредитации основы любого исследования — источников, на которые опирался Мергарт.

Не последнюю роль в развитии конфликта, вероятно, сыграли отношения внутри треугольника Городцов — Тальгрэн — Мергарт. Финский археолог, крупнейший специалист по эпохе раннего металла Восточной Европы, друг и многолетний корреспондент Мергарта, познакомился с русским ученым по рекомендации А. А. Спицына в 1908 г. при первом посещении Российского Исторического музея (Кузьминых 2011: 5). Тальгрэн часто бывал в России, не раз общался с Городцовым и в течение долгого времени переписывался с ним. Однако в 1920-е гг. «переписка ведется уже довольно спорадически» (Кузьминых, Сафонов 2003: 8). Как отмечают один из авторов этой статьи и И. Е. Сафонов, «в 1924 г. состоялась еще одна встреча В. А. Городцова и А. М. Тальгрена, которая, по всей видимости, послужила незримой причиной охлаждения в их отношениях» (Кузьминых, Сафонов 2003: 8)¹³. И далее ими приводится коммента-

¹² В архиве ученого сохранился оттиск этой статьи с автографом австрийского коллеги — «В. А. Городцову въ знак глубокого уваженія. Мергарт» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 487). Оттиск сопровождается 4½ страницами довольно пространного рукописного резюме на русском языке (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 487. Л. 146—148). На первой странице рукой Городцова сделана пометка — «Перевод Мергарта». То есть специально для своего старшего коллеги Мергарт сделал резюме статьи. В ней он изложил то же видение материалов енисейского палеолита, что и в своих московских докладах 1921 г., а, соответственно, не принял критику Городцова (равно как и Ефименко и Анучина). Мергарт имел на это право, поскольку — в отличие от критиков — воочию был знаком с коллекциями и сам исследовал ряд памятников. В этой связи, вспоминая о палеолите Батеней, нелепо приписывание Городцовым заслуги его открытия Теплоухову, который вовсе не нуждался в лаврах, отнятых у опального Мергарта.

¹³ Первая трещина в их отношениях, наметившаяся еще в 1916 г., — несходство позиций по вопросам культурогенеза в эпоху бронзы на территории Северной Евразии, выраженное в их только что вышедших базовых трудах по бронзовому веку (Городцов 1915; Tallgren 1916). В 1920-е гг. из множества изучавшихся русским ученым проблем разве что только работа о киммерийской культуре (Городцов 1928) и краткий очерк о культурах бронзового века на территории СССР (Городцов 1927) явились продолжением и воплощением его исследовательских планов по изучению эпохи бронзы Восточно-Европейской равнины, которые им строились в 1916—1917 гг. в продолжение труда о культурах бронзовой эпохи Средней России (Городцов 1915). К разработке этих проблем Городцов вернулся в 1930—40-е гг. (свидетельством чему его огромный неоконченный 2-й том «Археология. Палеометаллическая эпоха») (см. об истории его создания: Сафонов 2002), но в 1920-е гг. Василий Алексеевич в силу разных причин отошел от исследований в области бронзового века. Одной из них, вероятно, являлось осознание того, что более молодому финскому коллеге удалось издать обобщающую работу по эпохе бронзы

рий Городцова к беседе с Тальгреном: «В заключении мне показалось, что Тальгрэн плохо разбирается в русских древностях и едва ли верны его мысли, которые он уже много лет развивает» (Кузьминых, Сафонов 2003: 8). Но в этом случае разногласия и возможное недопонимание касаются исключительно профессиональных вопросов. Внешне на личных отношениях ученых это не отразилось: «ни тот, ни другой не позволили себе каких-либо неуважительных шагов по отношению друг к другу. Тальгрэн, сожалея об охлаждении к нему со стороны Василия Алексеевича, и в дальнейшем с неизменным почтением относился к трудам и личности русского ученого» (Кузьминых, Сафонов 2003: 8; 2014). После 1924 г. тесное взаимодействие Городцова и Тальгрэна закончилось — и прежде всего по инициативе Василия Алексеевича, хотя в 1926 и 1927 гг. он еще откликался на письма и книжные послания финского археолога. Тем не менее, разрыв между ними произошел, и тому были как объективные, так и субъективные причины¹⁴.

Уже в 1921 г., в дни знакомства с Мергартом, Городцов позволял себе критику научных взглядов Тальгрэна, и его не слишком коллегияльные ремарки в адрес финского ученого не вызвали у его гостя положительных эмоций. Мергарт в одном из писем Тальгрэну (14.10.1925) вспоминал, что еще будучи в Москве заметил, что российский археолог «усиленно подавляет Вас в цитатах...».

Но в отличие от отношений Городцова и Тальгрэна, которые плавно сошли на нет после 1924 г., финал диалога Мергарта и Городцова оказался не столь мирным. Напряженность, мимолетно возникшая во время их личной встречи, постепенно нарастала, достигнув своего апогея в том же 1924 г., и выразилась в форме открытого конфликта меж-

ду учеными. Памятуя об истории отношений с Тальгреном (Кузьминых, Сафонов 2014), а также с Е. А. Гольмштоком (Кузьминых, Вдовин 2010), можно было бы смело прогнозировать, что отношения Мергарта и Городцова рано или поздно завершились бы разрывом. Но в итоге он был ускорен конфликтной ситуацией, последовавшей после некорректных публичных высказываний российского археолога в адрес австрийского коллеги.

В начале 1920-х гг. Василий Алексеевич обратил пристальное внимание на палеолитические памятники Сибири, о чем свидетельствуют архивные материалы¹⁵. Поездка ученого в 1924 г. в Иркутск, Красноярск и Минусинск носила характер инспекции местных музеев по линии Наркомпроса РСФСР, но в немалой степени она была связана с желанием исследователя на месте ознакомиться с самими памятниками (прежде всего, с Афонтовой горой) и материалами по палеолиту в сибирских музеях. В выступлении на объединенном заседании Коллегии Музея Приенисейского края и Совета ВСОРО (31.08.1924) Городцов подвел итог своим наблюдениям и охарактеризовал состояние сибирской археологии в целом. При этом он подверг критике некоторые выводы Б. Э. Петри и Геро фон Мергарта о хронологии ряда енисейских и прибайкальских памятников, отнеся часть из них чуть ли не к металлургическому периоду.

Полемизируя с С. А. Теплоуховым и Н. К. Ауэрбахом по вопросам хронологической принадлежности енисейского палеолита, Городцов, в целом согласившись с утверждением о специфичности сибирского палеолита, подмеченным Мергартом, тем не менее, позволил себе несколько не вполне корректных замечаний в адрес австрийского археолога. Первое касалось датировки палеолита у с. Батени, о котором Василий Алексеевич «раньше имел по рисункам Мергарта определенное мнение» и «склонялся датировать Батени Ориньяком» (АМУ. Протокол)¹⁶. Само орудие, которое запомнилось Городцову еще по докладу Мергарта в МАО (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 156. Л. 136), он пытался отыскать в Красноярске, однако «его не оказалось, так как рисунок был неверным. Или рисовальщик неправильно зарисовал, или...»

южной половины Восточной Европы (Tallgren 1926), в то время как он сам, приложивший немало усилий для изучения данной проблематики, не сумел оперативно подытожить результаты своих многолетних изысканий.

¹⁴ Тальгрэн — на глазах Городцова — из мастера вырос в мастера, признанного специалиста по бронзовому веку Северной Евразии. Высокий научный авторитет финского ученого не только в Европе, но и в СССР, возможно, явился еще одним из раздражителей самолюбия Василия Алексеевича. Негативное отношение к Тальгрэну сформировалось у Городцова к середине 1920-х гг. и сохранилось, судя по ремаркам во 2-м томе труда «Археология. Палеометаллическая эпоха», вплоть до последних дней (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 38. Л. 44, 45). См. подробнее о разрыве отношений В. А. Городцова и А. М. Тальгрэна в книге: (Кузьминых, Сафонов 2014).

¹⁵ См. их обзор: (Кузьминых, Вдовин 2011; Вдовин, Кузьминых 2012).

¹⁶ Здесь и далее «АМУ. Протокол» — это копия протокола объединенного заседания Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества и коллегии Музея Приенисейского края в рукописном архиве Мергарта.

(АМУ. Протокол). В этом пассаже Мергарта задел даже не столько упрек в непрофессионализме его как художника, сколько выразительное многоточие в конце фразы, в котором он усмотрел намек на его недобросовестность и обвинение в фальсификации документа. Оскорбительными для австрийского ученого прозвучали как содержание фразы, так и форма, в которой она была высказана.

Второе замечание со стороны Василия Алексеевича в адрес Мергарта относилось к области геологии. Высказанное Теплоуховым мнение о стратиграфии местонахождения Батени, а именно: о формировании лёссовых отложений в период более позднего, ахенского колебания (в этом вопросе Сергей Александрович, скорее всего, руководствовался наблюдениями австрийского коллеги) вызвало резкое возражение со стороны Городцова: «Эти процессы: делювия и отложения лёсса входят друг в друга. Мергарт совершенное не знал учение русской школы геологов о делювии, и в этом его ошибка как ученого» (АМУ. Протокол). Содержалось даже прямое обвинение — не намек — в незнании учения русских ученых о делювии и вообще в слабом знании геологии.

Разделим эти обвинения и проанализируем их отдельно. Сначала по поводу то ли неточного рисунка Мергарта, то ли исчезновения каменного орудия. Есть много случаев, когда одно и то же орудие, зарисованное двумя или тремя разными исследователями, на рисунках принимает совершенно иной вид, и в итоге оно может интерпретироваться как разные орудия. Таким образом, за загадочным исчезновением зарисованного орудия может скрываться очень многое. В том числе есть и такая возможность: Городцов держал в руках зарисованное Мергартом орудие, но его не узнал.

Что касается четвертичной геологии, то изначально никто не определял, является ли верхний палеолит понятием хронологическим, геостратиграфическим или культурно-историческим. Было эмпирически очевидно, что палеолитическими являются все памятники определенного времени, соответствующие конкретным этапам истории плейстоцена, и что на каждом этапе памятники палеолита и в культурном отношении тождественны друг другу и отличаются от памятников других стадий. Казалась очевидной стадийная схема. Но геология Сибири была крайне плохо изучена. Схема формирования террас Енисея была создана только спустя полвека после докладов Мергарта. Конечно, Мергарт вполне мог не знать и существовав-

ших в его время разработок русских геологов, но обвинять его на этом основании в недостаточном знании геологии вряд ли стоило.

Упрек в дилетантизме для дипломированного специалиста-геолога Геро фон Мергарта был в высшей степени болезненным. Хотя сам он отчетливо осознавал, что для более точной характеристики геологии Приенисейского края его знаний, базирующихся на европейской школе геологии, недостаточно. Незадолго до этого инцидента, как бы предчувствуя уязвимость своей позиции в этих вопросах и признавая важность дальнейших исследований в этой области, Мергарт написал Тугаринову: «...Ваши работы интересуют меня чрезвычайно как фаунистические, так и палеогеографические. То, что лёсс послеледниковый или постгляциальный, правда, может встретить здесь у нас множество возражений, но лично я думаю, что Вы правы, во всяком случае, в отношении енисейского лёсса. Когда-нибудь задачей огромной важности станет проведение параллелей между делювием Европы и северо-азиатским, для чего пока что имеется так мало возможностей. Точная геология Костёнок могла бы сделать большой прогресс, в особенности найденные сейчас Ефименко великолепные статуэтки, истинное сокровище. У нас они бы бесспорно были бы ориньякскими и должны были бы быть найдены в верхнем лёссе. Но как это в России? С особенной радостью я прочитал, что вместе со специалистом-геологом Вы хотите исследовать террасы Енисея. Вы, конечно, помните, что я всегда пытался пробудить интерес к этой работе. Она крайне важна для Европы и Азии и для изучения делювия. Мне всегда очень мешало то, что моя маленькая работа о палеолите геологически подтверждена очень слабо. Она привлекла некоторое внимание, и все мы с жадностью ожидаем того нового, что должно придти к нам из Азии. Так как специалисты уже из и моих штудий уяснили, что при оценке тех областей нельзя исходить просто из европейских отношений. Ведь что значит любая работа по доистории без хорошего геологического базиса? Поэтому от всего сердца желаю Вам, чтобы у Вас было успешное лето и уже сейчас прошу о скорейшей присылке появляющихся у Вас работ, чтобы я смог реферировать их как можно скорее. В речные отложения лёсса лично я не очень верю. Тем основательнее я буду размышлять над Вашими аргументами, чтобы оценить важность дела...» (АМУ. Мергарт_Тугаринову. 26.08.1924).

Однако, помимо профессиональных разногласий, имеется еще и личностная составляющая этого конфликта, которая коренится отча-

сти в разнице менталитетов. Если рассматривать ситуацию с точки зрения межкультурного общения, то в данном случае в поведении Городцова прослеживается так называемый этноцентризм, порожденный восприятием и оценкой явлений с позиции «своей» этнической общности (Куликова 2004: 28). И не только это. Если продолжить изучать психологическую подоплеку конфликта, то можно пойти немного дальше и поразмыслить вот над каким вопросом: а что, собственно говоря, представляли собой участники конфликта и типично ли было для них такое поведение?

В 1920-е гг. В. А. Городцов являлся одним из признанных лидеров советской археологии¹⁷, став для нее «Софусом Мюллером, Жозефом Дешелеттом и молодым Чайлдом в одном лице» (Клејн 1999: 255). Лидерство Городцова выразилось не только в продолжении его научных исследований и преподавательской деятельности в Московском университете, но и в административном «ресурсе». Занимаемый им пост руководителя Археологического подотдела Музейного отдела Наркомпроса РСФСР был сродни должности «главного» или «государственного» археолога страны. Василий Алексеевич участвовал в работе множества комиссий и учреждений, включая те, что разрабатывали в советский период правовые, теоретические и методологические проблемы археологии. По роду своей службы он имел непосредственное отношение к государственному управлению музейным делом. При его участии разрабатывались и принимались законы и постановления, касающиеся учета и охраны памятников истории и культуры. Как крупный государственный чиновник и как ученый он, безусловно, стремился к переменам в музейной и научной жизни. Но помыслы эти были как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». В основе последних чаще всего была борьба за власть, особенно в отношениях с РАИМК/ГАИМК (Платонова 2010: 213).

Столь высокий статус, конечно, не мог не привести к складыванию определенной модели поведения. Обсуждение итогов инспекции сибирских музеев в Красноярске в 1924 г. — лучшее тому подтверждение. В советах Городцова явно заметны определенный диктат своего видения археологических коллекций (например, Верхоленской горы в Иркутске, Афонтовой горы в Красноярске, собрания Минусинского музея) и критика их

оценки местными археологами. Высказывания эти не во всем были верными, а упреки — справедливыми.

Для европейского археолога и русского ученого дореволюционной закваски такое поведение было и неприемлемо, и даже попросту психологически необъяснимо — но не в случае с Городцовым. Подобные конфликты сопровождали его с самого начала научной карьеры, со времени работы в Рязанской ученой архивной комиссии¹⁸.

Его оппонент — Геро фон Мергарт — человек с обостренным чувством чести, принадлежавший и по рождению, и по воспитанию, и по статусу к элите европейского общества. Ко времени конфликта о его достижениях уже было широко известно в Германии и Австрии. В России он снискал известность как автор публикаций по древней истории Сибири, на ниве которой продолжал успешно работать. Покровительственное и, быть может, не всегда уважительное отношение к мнению своих учеников, которое продемонстрировал Городцов в своем красноярском докладе, было истолковано Мергартом иначе, чем это подразумевалось в реальности. То, что русский воспринял бы гораздо проще, для немца прозвучало оскорбительно. В своем письме к красноярским коллегам Мергарт говорит: «Знаете, дорогой Аркадий Яковлевич, когда я прочел этот пассаж в протоколе, тогда

¹⁸ См. подробнее: (Толстов 2010: 10, 12, 13). Будучи руководителем Археологического подотдела Музейного отдела Наркомпроса РСФСР, Городцов отказывал в выдаче Открытого листа на раскопки в Костёнках П. П. Ефименко — ведущему отечественному специалисту в области палеолита 1920-х гг. (Формозов 2006: 261), пытался лишить Открытого листа на право раскопок Абашевского могильника его первооткрывателя В. Ф. Смолина (Михайлов, Кузьминых 2003: 18, 19). Исследования на палеолитических Ильской и Тимоновской стоянках были предприняты им без согласования с открывшими эти памятники С. Н. Замятным и М. В. Воеводским (Формозов 2006: 263). Следует вспомнить и о стремлении Василия Алексеевича заполучить для РИМа из Музея Приенисейского края «все или по крайней мере часть коллекций палеолитической стоянки Афонтовой горы» под предлогом того, что в музее «не достает именно древнейших сибирских памятников» (Кузьминых, Белозёрова 2012а: 25). Вопрос обсуждался в 1925 г. в руководимой Городцовым археологической комиссии музейно-библиотечной секции Государственного ученого совета. И только благодаря противодействию С. П. Григорова и Н. М. Каринского не состоялась передача коллекции Афонтовой горы в Российский Исторический музей. Григоров посчитал этически невозможной перевозку собрания из Красноярска в Москву, справедливо отметив, что коллекция не должна быть разобщена с исследователями памятника, тем более что работы на Афонтовой горе Ауэрбах и Сосновский еще не закончили (Кузьминых, Белозёрова 2012а: 25).

¹⁷ См. подробнее о деятельности В. А. Городцова в 1920-е гг.: (Белозерова, Кузьминых, Сафонов 2011; Кузьминых, Белозерова 2012б).

я почувствовал разницу между мной и Вами. Я полюбил вас и думал, что Вы также вспоминаете об мне хорошо. Но мы оба ошиблись, мы — германцы, а вы — славяне. Т.е. разные. У нас немедленно встал бы человек и сказал бы: “В.А., мы долго работали с Мергартом и уважаем его как честного ученого, который принесет любую жертву науке. Вы делаете намек, который затрагивает честь этого человека. Мы должны просить Вас обосновать Ваш намек или взять его обратно, т.к. Мергарт — наш коллега, и мы должны сохранять честь нашего Общества незапятнанной”. Так сказал бы немец. Но вы промолчали, хотя, как я смею надеяться, никто из вас не принял слова Городцова всерьез» (АМУ. Мергарт_Тугаринову. 05.04.1925).

После ознакомления с протоколом заседания возмущенный до глубины души Мергарт направил сразу несколько писем в Россию: самому Городцову, требуя извинений, в Красноярский подотдел ВСОРГО и Музей Приенисейского края с просьбой разобраться в ситуации. В архиве Мергарта в Марбурге сохранилась копия его обращения к Городцову. Имеет смысл привести текст письма полностью.

«Инсбрук, Австрия, университет, 5.V.25

Приват-доцент д-р Геро Мергарт

Г-ну В. А. Городцову

В Исторический музей в Москве

Ваше высокоблагородие!

На заседании от 31 августа 1924 г. Красноярского отдела Русского Географического Общества, протокол которого у меня имеется, Вы высказались по случаю следующим образом: [...].

Также при неоднократном прочтении этого пункта я, полагаю, должен был понять, что возможность, на которую Вы намекаете, отмеченная в протоколе точками, может означать лишь намеренную ложную передачу объекта, т.е. научную фальсификацию.

Если я ошибаюсь в этом мнении, то прошу Вас любезно это поправить. Но если все же я понял Ваш намек правильно, то вынужден просить Вас письменно и четко взять назад этот чудовищный намек, который прозвучал на публичном собрании. В любом случае я прошу о точном объяснении, какой из моих рисунков считается вводящим в заблуждение, чтобы я, в случае, если Вы не решитесь на объяснение чести, со своей стороны смог бы предъявить дело в надлежащей форме специалистам для обсуждения.

Несмотря на это, любому специалисту, который внимательно читал мою работу о палеолите на Енисее, должно быть ясно, что

фактически это не имеет значения, кажется, будто ли объекты и т.о. также рисунки представляют шельские, ашельские или ориньякские или мустьерские формы, также должно быть ясно и то, что если бы фальсификация рисунков совсем и не вызывала интереса, то мне все же невозможно вообще не заметить хотя бы лишь и смутный намек на упрек в фальсификации, все равно, с несущественной ли стороны, или, как в этом случае, со стороны одного из известнейших специалистов России.

До сих пор я с неумещающей благодарностью вспоминаю о дружеском приеме, которым Вы удостоили меня в Вашем музее и, надеюсь, могу заключить из нашего знакомства, что здесь существует ошибка, которую Вы так быстро, как это возможно, захотите устранить. Если, вопреки ожиданию, в течение следующих двух месяцев я не получу объяснения, то должен буду ради своей научной чести, предъявить это на суд наших профессиональных кругов.

Копия этого письма направлена в Красноярский Отдел».

Подобных объяснений Мергарт требует и от красноярских коллег: «В приложении Вы получите письмо, которое я сегодня пишу и которое восходит к Вашему протоколу. Я прошу Вас принять его абсолютно официально, т.к. соответствующее мнение ведь приходится на Ваш отдел и Вы все же должны, вероятно, занять определенную позицию к этому... Возможно ли, чтобы в музее, в котором я работал полтора года, какой-то человек, пусть даже и Городцов, может встать и так же только намеками обвинить меня в известной махинации... И прошу Вас высказаться о том, правильно ли я понял и почему ни один из людей, которые со мной работали, не встал и не заступился за меня, не сказал, что в Музее Приенисейского края нет никого, кто принимал бы меня за лжеца, и что мои прежние коллеги отказались от того, чтобы, выслушав такой намек, занять противоположную позицию...»

И напишите мне, пожалуйста, что это за сомнительный предмет, и если возможно, вышлите мне фотографию одного. Это самое малое, чего я могу ожидать, после того, как дело зашло так далеко. Если Городцов мне не ответит, то я соответствующе обнародую дело, т.к. я не могу рисковать, что когда-нибудь оно кем-то будет подхвачено. Я не могу бросить и тень подозрения на мою честь. История, конечно, абсурдна, это правда, т.к. кроме Городцова, я сожалею, что я вследствие этого должен сказать такую вещь, кроме Городцова, в голо-

ве которого палеолит превратился в неясную путаницу, мимо которой специалисты всего мира пройдут, качая головой, не подступаясь к этому, кроме него, конечно, никто не верит, что имеет смысл сфабриковать рисунок, т.к. я ведь никогда не утверждал, что палеолит на Енисее — ориньяк. Это может прочитать любой ученый из моей работы. Только дилетант может увидеть в этом что-то другое. Я не имею ничего против, что хронологически он более поздний или, быть может, был позднее, чем наш верхний палеолит. Впрочем, Вы и не настаиваете на ахенском колебании, т.к. сам Пенк долго его не признавал. Оно намного меньшего масштаба, чем он раньше думал. И вообще сегодня бесполезно сравнивать сибирские оледенения с европейскими. Сначала Вы должны исследовать свое оледенение и потому в будущем можно будет провести параллели с нашим... Но обо всем об этом Городцов имеет смутное представление. Тогда сперва ему нужно было изучить геологию... У меня чувство, будто Городцов с неохотой признает, что я одним из первых представил свое мнение о палеолите, хотя до этого он сам ни разу не был на месте. Он спорил уже в Москве на моем докладе, когда даже Ефименко, которого я считаю лучшим специалистом России, еще говорил о кампиньи. Итак, я уже тогда сказал ему, что он сам должен ехать туда и увидеть Енисей. Сегодня немногие сомневаются в общей правильности моего толкования... Еще я, полагаю, должен сказать, что мои русские коллеги должны были выказать больше коллегиальности во время этого обсуждения, когда Городцов возводил такое невероятное и бессмысленное обвинение против меня...

И теперь я прошу Вас об ответе и об официальной проработке прилагаемого письма. В этом пункте я не позволю испытывать мое «немецкое терпение», т.к. здесь речь идет о моей чести, а она в России и Германии одна и та же...» (АМУ. Мергарт — Тугаринову. 05.04.1925).

Но сибирские ученые заняли в этом вопросе двусмысленную позицию. Смелости ознакомить австрийского коллегу с содержанием речи Городцова хватило только у А.И. Тугаринова. В переписке с Мергартон он высказывает свое несогласие с позицией Городцова («я все больше и больше перестаю соглашаться с ним, он способен вносить в науку совершенно превратные представления» — АМУ. Тугаринов_Мергарту. 8.03.1925), но не осмелился озвучить свои доводы публично.

Из участников заседания 31 августа лишь С. А. Теплоухов пытался отчасти полемизи-

ровать с Городцовым. Г.П. Сосновский, работавший когда-то рука об руку с Мергартон, никак не обозначил своего мнения, хотя писал Н.К. Ауэрбаху, что «старик (Городцов — авт.) спешил, во многом не разобрался и может себя поставить в очень неудобное, даже смешное положение с поспешностью выводов...» (Кузьминых, Вдовин 2011). Да и в регулярно отправляемых Мергарту письмах, никак не комментируя случившееся, он как о чем-то малозначащем пишет, что «летом в Сибирь для осмотра наших раскопок приезжал проф. В. А. Городцов из Москвы. Он напечатал вновь переработанный курс “Первобытной археологии”» (АМУ. Сосновский — Мергарту. 06.12.1924). Так же неопределенна и позиция Ауэрбаха, который, выражая искреннее сожаление по поводу инцидента, тем не менее, в частной переписке с Городцовым (27.04.1925) придерживается несколько иного мнения: «Я не знаю, что может наше общество ему (Мергарту — авт.) ответить. Он просит выяснить, кто прав, Вы или он. Как мы можем это решать, если не имеем рисунка, который он Вам показывал? Меня эта история очень волнует. Косвенно я причинил Вам неприятность. Я это чувствую» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 376).

Осмысливая конфликт, современные исследователи словно не замечают, что уважаемый мэтр очень низко оценил квалификацию не только иностранного коллеги, но и сибирских археологов. «Г. Мергарт был военнопленным в Красноярске, где был дружественно принят в круг музейных деятелей и при помощи их изучил древности Енисея. Изучение было спешно и под руководством довольно слабых в знании древностей Сибири местных работников» (цит. по: Кузьминых, Детлова, Салминен 2007: 168, 169).

Конечно, провинциальным археологам, особенно музейным, в 1920-е гг. было трудно уклониться от давления, а порою и диктата «главного» российского археолога¹⁹. Именно поэтому красноярские коллеги Мергарта не воспротивились против принижения его профессионального уровня и против обвинений в подлоге. Они не возражали и против оценок самих себя и других своих коллег в недостаточной квалификации. Спокойно реагирующие и на более резкие суждения и крепкие выражения, они искренне недо-

¹⁹ См. подробнее об этой проблеме: (Кузьминых, Белозёрова 2012а; 2012б).

умевали, что же могло так задеть их австрийского коллегу. Это подтверждают их письма Мергарту, в которых они стараются сгладить впечатление от столь неприятного для обеих сторон инцидента: «Все Музеяне очень сожалеют, что причинили Вам боль своей пассивностью при выступлении Городцова 30-III 1924 г. Здесь сказалась разница между психикой русского человека и иностранца: русские часто говорят слова и не придают им значения; русские слушают такие слова и не видят в них то, что видят иностранцы, потому что знают, что это “слова”. Я думаю, что Городцев не хотел бросить на Вас тень. Музеяне ни на минуту не меняли своего мнения о Вас как о работнике, всегда и везде аккуратном, увлеченном и преданном науке. Вы получите по этому вопросу официальное мнение Географического О-ва» (АМУ. Ауэрбах_Мергарту. 04.05.1925).

В примирительном ключе реагирует и официальный орган — Совет Красноярского подотдела ВСОРГО, который не усмотрел в заявлении Городцова ничего криминального и постановил, «что у присутствовавших на заседании не было повода сомневаться в научной добросовестности Мергарта и слова проф. Городцова были поняты только как выражение разногласия в мнениях» (АМУ. Выписка из протокола заседания Совета Красноярского подотдела ВСОРГО. 20.05.1925).

От самого Городцова ни объяснений, ни извинений, ни какой-либо иной реакции Мергарт не дождался. Складывается впечатление, что его старший собрат по науке просто проигнорировал этот случай и уж тем более не имел намерения покаяться в своей оплошности. Мергарту осталось довольствоваться лишь извинениями со стороны сибирских коллег и излить свое негодование в общении с Тальгреном (07.04.1925): «Неделю назад Красноярский отдел РГО прислал мне так, между прочим, и неофициально, наряду с изображениями и письмами, протокол заседания от 31.VIII.24. Тогда Городцов делал доклад, и также там присутствовал Теплоухов. При этом, конечно, мои музейные коллеги и мой бывший ассистент... При этом я не остаю вливаюсь, конечно, на том, что Вы (и также я) играем такую незначительную роль в древней истории Енисея, как это теперь видит Городцов. Это такие мелкие слабости ученых, которые тем понятнее, т.к. мы ведь оба иностранцы... Городцов уже в Москве... высказывался против моего понимания палеолита и полагал, что речь идет о двух смешанных, секундарно залегающих культурах. Я еще по-

советовал ему ехать туда, откуда я прибыл, а именно на место находок, чтобы увидеть то, что, как мне казалось, увидел я, т.е. одну культуру, но которая датируется не нижним палеолитом, а верхним, и это представлено в одной фации, которую можно сравнить с ориньяком, но только спорадически, и нельзя каждый раз измерять западным масштабом... Городцов будто бы с сомнением допускает наличие двух культур, т.к. точность вообще нехарактерна для их дискуссии, но зато он признает мадлен и защищает это не без горячности перед людьми, которые узнали это от меня. Прекрасно, против этого нечего возразить... Я доволен тем, что палеолиту там снова дан импульс... Я не считаю это тем или иным, а совершенно особой фацией, сибирским верхним палеолитом. А вид, как и возраст европейских элементов, нельзя проанализировать так быстро. Нужно ведь учитывать всевозможные запаздывания и геологические особенности, а это — совершенный X, которого мы не знаем...» (РОНБФ. Coll. 230.9).

В другом письме (19.09.1925) финскому коллеге Мергарт, отбросив немецкую сдержанность, в полной мере дает волю своему гневу и не стесняется в выражениях, допуская довольно эмоциональные фразы (которые он, кстати, порой пишет по-русски): «Мне прислали отрывки из “Древнего мира” от 1 августа 1924 г., где Городцов докладывает о раскопках и исследованиях [19]19—23 [гг.]²⁰ и для вида неоднократно упоминает, что там также работал некий Мергарт. Я даже не требую того, чтобы замечали то, при каких условиях работал этот человек и чего ему стоил этот приступ идиотского идеализма. Но всецело замалчивать мое участие в работе — это сильно. И рассказывать на стр. 12, что Теплоухов открыл палеолит Батени, это чуть ли не фальсификация фактов. Эх, наплевать! Хорошенькая любовь! Со стороны тех, кто еще в Москве пытался оспаривать мой доклад, это я видел собственными глазами! Черт возьми!» (РОНБФ. Coll. 230.9).

Не менее резок он и в нескольких последующих письмах, в которых звучит досада не только в адрес конкретно Городцова: «Если я вообще еще понимаю русский язык, то сей муж открыто дает понять, что я намеренно дал ложную информацию. Прочитайте это, пожалуйста, точно! Вы понимаете это как-то иначе? Я отхожу от существенной абсурдности упрека. Кто читал мою работу с пониманием,

²⁰ Речь идет о статье: (Городцов 1924).

то знает, что для меня не было и не есть интересно, открыт ли, например, в Батени случайно именно шельль или именно мустье или еще один предмет, подобный ориньякскому, уже даже из-за того, что я не смог изучить там геологию... Но другая сторона упрека, человеческая, вызывает на моем лице истинно германский гнев. К сожалению, Городцов для меня “недосягаем”. Я написал ему, и Отделу, и Теплоухову... Но бессильный гнев из-за такой подлости со стороны человека и музея, в котором я служил науке в условиях таких тяжелых лишений и жертв, грызет мою душу. Мне вдвойне бросается в глаза, что я никогда не получал от Городцова ни одного отдельного оттиска, ни одного ответа на мои письма. Нет, действительно недостойно так далеко проявлять шовинизм. Напишите мне, что Вы думаете и могу ли я что-то сделать, чтобы не бегать вокруг как человек, которого можно безнаказанно упрекать в фальсификации — пусть даже и так, по-азиатски завуалировано. Отделу я высказал свое мнение о том, что они безнаказанно выслушивали то, что члена их отдела так оскорбляли. Но парни сочтут за лучшее дипломатически промолчать, я ведь знаю их. Они милые люди, но все же азиатя!...» (РОНБФ. Coll. 230.9).

Последствием этого инцидента стало после 1924 г. некоторое охлаждение во взаимоотношениях Мергарта с русскими коллегами в целом²¹. А имя своего оппонента австрийский ученый до некоторой степени вообще предаёт забвению. В мемуарах, которые он закончил к 1925 г., несмотря на значимость персоны Городцова для российской науки и лично для Мергарта в дни его пребывания в Москве

²¹ В письмах Тальгрону Мергарт с горечью отмечает, что «...только русские не замечают того, как много было открыто не из Москвы (из Цюриха)», «я могу действительно заболеть от такого коварства. Я приучаю себя к мысли, что я ненадолго пришел в эту жизнь, но еще не переживал того, чтобы меня принимали за мошенника!!!.. я слишком возмущен, как и все эти дни с тех пор, как получил протокол, из которого увидел, что люди, которых я считал друзьями или доброжелательными коллегами, в действительности злые враги. Это причиняет боль!» (14.10.1925); выражает сомнение в истинности дружеских чувств своих русских друзей («Если меня в России еще любят, то очень незаметно и так, что я этого не замечаю, и иногда даже так скрытно, что у меня складывается впечатление, что там с явной неохотой смотрят на то, чтобы я принимал участие в тамошней доистории. Эх, Михаил Маркович, разве у России не два лица, а Вы, желая доставить мне радость, рассказываете только об одном?» (19.09.1925). Даже обращается к Тальгрону, вместо привычного «дорогой господин профессор» или «Михаил Маркович», как к «соратнику в борьбе со стерегущими сокровища русскими драконами».

в 1921 г., имя Василия Алексеевича не упоминается вовсе. Видимо, описанный выше профессионально-личный конфликт стал причиной того, что первоначальный вариант рукописи, над которым Мергарт начал работать незамедлительно после возвращения на родину, претерпел существенные изменения, и эпизод с Городцовым не был включен в окончательный вариант произведения.

Тем не менее несколько лет спустя Мергарт решил возобновить отношения с русским коллегой. Этот шаг характеризует Геро Вальтеровича²² как ученого, который ради науки готов заглушить эмоции и переступить через собственные обиды. Пойти на это его побудил тот факт, что Василий Алексеевич по-прежнему оставался одной из ведущих фигур в русской археологии. Мергарт, как и другие европейские ученые, занимавшиеся в 1920-е гг. проблемами археологии Северной Евразии (Т. Арне, Ю. Айлио, А. М. Тальгрэн, Э. Миннз, Ф. Ганчар, М. Эберт и др.), ощущал острый недостаток для своих исследований в русской литературе. Единственным источником пополнения информации для большинства западных ученых оставались личные контакты с коллегами из СССР.

В итоге Мергарт вновь обращается к Городцову за содействием (9.01.1925): «Глубокоуважаемый и дорогой господин профессор! Вы меня совсем забыли? Неужели мои работы настолько плохи, что Вы их полностью игнорируете? И Вы больше не хотите признать меня внесшим вклад в русскую археологию? Мне написали, что Ваша Археология²³ снова появилась. Я должен, должен, должен ее иметь. Неужели я не заслужил отдельного оттиска? Я пишу рефераты по русской археологии в Венский доисторический журнал²⁴, но едва ли узнаю, что у Вас напечатано, не говоря уже о том, чтобы получить ту или иную Вашу работу. Это очень печально для меня, т.к. я все еще работаю над проблемами русской и сибирской археологии и должен даже об этом написать книгу...²⁵ Пожалуйста, дайте знать что-нибудь о себе и помогите мне получить Ваши работы. Что слишком дорого, чтобы быть подаренным, то это я могу опла-

²² Так по-дружески именовал его иногда Тальгрэн, когда они обсуждали проблемы русской археологии.

²³ Речь идет о книге: (Городцов 1923а).

²⁴ Имеется в виду журнал «Wiener Prähistorische Zeitschrift».

²⁵ Мергарт говорит о своем диссертационном исследовании «Бронзовый век на Енисее» (Merhart 1926).

тить. Множество приветов от Вашего преданного Геро Мергарта» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 458).

Однако за исключением первого и единственного письма 1920 г. Городцов не удостоил австрийского коллегу ответными посланиями и своими произведениями. Почему же Городцов в своем поведении так далеко вышел за рамки не только элементарной вежливости, но и обычного коллегияльного поведения? Это — несмотря на важность развития международных научных связей и в особенности с Геро Мергартом, для которого русская археология в силу жизненных обстоятельств стала родной и для развития которой он готов был трудиться и по возвращении на родину. Кроме того, такие связи в 1920-е гг. не только не были опасны, но часто поддерживались властями — по крайней мере, не запрещались и ничем не грозили.

Объяснить это можно только тем, что Мергарт вызвал личное и очень сильное раздражение Городцова. Вероятно, австрийский ученый не вписывался в образ специалиста, подчиненного «главному» археологу России. Тому, кто сам и по собственным представлениям будет определять, кто тут «слаб в знании древностей Сибири», а кто не слаб.

Однако сказать, что Городцов забыл о Мергарте, значит слукавить. Некоторые из статей, как мы уже вспоминали, он получил непосредственно от автора. Так что достижения австрийского ученого в эти годы так или иначе были ему известны. Тем примечательнее оценка главного труда Мергарта в области евразийской археологии — книги «Бронзовый век на Енисее» (Merhart 1926). Книга, как известно, получила благожелательные и даже восторженные отзывы, в том числе публичные (Tallgren 1927), европейских и советских археологов. Городцов был единственным, кто предельно низко оценил этот фундаментальный для своего времени труд. Его оценки минусинского бронзового века в начале 1920-х гг. существенно расходились с работками австрийского археолога и первыми наметками культурно-хронологической схемы С. А. Теплоухова²⁶, основанными не на впечатлениях, а на анализе массового материала из погребальных комплексов.

В противовес своему прежнему позитивному мнению о ранних работах австрийского ученого (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 156. Л. 134; АМУ. Городцов_Мергарту. 14.08.1921), он вы-

сказался о ней довольно пренебрежительно: «Г. Мергарт был военнопленным в Красноярске, где был дружественно принят в круг музейных деятелей и при помощи их изучил древности Енисея. Изучение было спешно и под руководством довольно слабых в знании древностей Сибири местных работников. Таким образом, он отнес древнейшую металлическую культуру Енисея к бронзовому времени (палеометаллов). На самом же деле она может относиться только к ранней поре неометаллической эпохи. Все просмотренные мною бронзовые кельты не ранее XIV века до н[ашей] эры. Мергарт даже... и эту культуру... уменьшает до (1000 л.) X в. ранее н[ашей] эры, а это совпадает с развитием культур неометалла, т. е. со временем, когда человечество было хорошо известно (т. е. знакомо — авт.) с железом. В общем работа довольно слабая, и нужно удивляться, что за такую работу Мергарт получил в Германии звание доктора. Эта работа самое большое дать (т. е. дает — авт.) право на кандидата к ученым степеням» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 197. Л. 56)²⁷.

Этот конфликт настолько иррационален, что невольно хочется найти ему хоть какое-то осмысленное объяснение. Не получается. У Городцова полностью отсутствуют серьезные причины говорить и о непорядочности Мергарта, и о его низкой квалификации. Только в одном случае речь идет не просто о расхождении во взглядах, а о некоем провале в профессиональных познаниях Геро Мергарта: когда, возможно, Городцов «уличил» его в незнании разработок российских геологов. Но даже если так и было, это никак не может быть основанием для каких-то обвинений в незнании геологии. Во всех же остальных случаях австрийский ученый проявлял познания не меньшие, чем другие археологи. И это косвенно признавал сам Городцов, предлагая Мергарту постоянную работу в Российском Историческом музее.

За этим конфликтом вряд ли следует усматривать что-то иное, кроме личностно-научного фактора. Конечно, при желании многое можно списать на то, что Городцов вел себя на злополучном заседании 31.08.1924 г. в Красноярске как крупный правительственный чиновник, бюрократ от науки и культуры, «главный» или «государственный» археолог

²⁶ См. об истории их создания: (Китова 2010: 169, 171).

²⁷ Мергарт, к счастью, не знал о столь неместном отзыве, поскольку он не был публичным. В рукописном архиве Городцова немало таких записей «на манжетках», дневникового характера, сделанных сугубо для себя. Но прошли годы, и тайное стало явным.

страны, ненавистник Германии и немцев²⁸, но это не объясняет его поведения в споре с Мергартом. Личностно-научный фактор, как и в случае с Тальгреном, всё расставляет по своим местам.

Мергарт также вел себя не идеально, позволяя себе обвинения, порой граничащие с расизмом. Но мы прекрасно знаем, что расистом он не был. Пройдет немного времени, и в Третьем рейхе он потеряет работу, поскольку окажется не в силах постичь всю глубину расовой теории. Но ведь среди немецких археологов было немало тех, кто вел себя совершенно иначе²⁹. Фактически в этой конфликтной ситуации Мергарт стал жертвой складывающейся в Советской России системы научной бюрократии. И пострадал австрийский археолог от человека, который сам спустя пять лет, с началом «великого перелома», станет жертвой этой системы, лишившись большинства постов и должностей (Белозёрова, Кузьминых, Сафонов 2011: 500, 501). «Советская» археология как бюрократическая система создавалась не Городцовым, а его учениками. Для них он уже не кумир и авторитет в науке, а образчик «старой» археологии, которого можно обвинить в поклонении «вещеведению», «формальной типологии» и других грехах (Формозов 2006: 262, 263).

Оценим последствия конфликта с точки зрения развития археологической науки. Итог по-

лучается неутешительный. Не только не были расширены, но разорвались перспективные международные связи сибирских археологов. Мергарту не удалось продолжить ту научную работу, которая стала бы вкладом в развитие российской археологии. Труды «буржуазного» специалиста о каменном и бронзовом веках Сибири на долгие годы ушли «в тень», стали лишь строкой в историко-научных очерках. Советские археологи, и особенно молодое поколение, лишились в лице Геро Вальтеровича заинтересованного читателя, желавшего донести до западных коллег информацию об археологических исследованиях в СССР. Его бывшие коллеги по работам в Сибири не получили той литературы, которую Мергарт охотно бы им предоставил. Но еще больше они потеряли, когда лишились многих советов, консультаций и рекомендаций «доктора», на которые могли бы рассчитывать. Одним словом, наука, и российская в первую очередь, понесла существенный урон.

На этом в истории взаимоотношений двух больших европейских ученых пока можно поставить точку. Перефразируя эпитафию, это грустная история, которой могло бы не быть. В ней больше вопросов, чем ответов. История эта поучительна тем, что вновь и вновь заставляет задуматься — насколько же важны и в жизни, и уж тем более в науке нравственные ориентиры и этические нормы.

Литература

- Ауэрбах Н. К., Громов В. И. 1935. Материалы к изучению Бирюсинских стоянок близ Красноярска. *ИГАИМК* 118, 219—244.
- Белозёрова И. В. 2010. Жизнь и научная деятельность В. А. Городцова в годы Великой Отечественной войны (по материалам личного архива в ОПИ ГИМ). В: Каменецкий И. С., Сорокин А. Н. (отв. ред.). *Человек и древности*. Москва: Гриф и К°, 690—702.
- Белозёрова И. В., Кузьминых С. В., Сафонов И. Е. 2011. Жизненный путь Василия Алексеевича Городцова (к 150-летию со дня рождения). *Российский археологический ежегодник* 1, 472—510.
- Васильев С. А. 2008. *Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Вдовин А. С. 2008. Поездка В. А. Городцова в Сибирь (1924 г.). *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале III*. Москва, 197—199.
- Вдовин А. С., Кузьминых С. В. 2012. «Первобытные древности Сибири меня всегда интересовали»: В. А. Городцов и археология Сибири. В: Советова О. С. (отв. ред.). *Археология Южной Сибири* 26. *Сборник научных трудов, посвященный 80-летию со дня рождения Анатолия Ивановича Мартынова*. Кемерово: КемГУ, 49—54.
- Городцов В. А. 1905. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губернии 1901 г. *Труды XII Всероссийского Археологического съезда* 1. Москва, 174—225.
- Городцов В. А. 1907. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии 1903 года. *Труды XIII Всероссийского Археологического съезда в Екатеринославе* 1. Москва, 210—285.
- Городцов В. А. 1915. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. *ОИРИМ за 1914 год*. Москва, 121—226.
- Городцов В. А. 1923а. *Археология. Т. I. Каменный период*. Москва; Петроград: Государственное изд-во.
- Городцов В. А. 1923б. *Археологическая классификация*.

²⁸ Это отношение возникло у Городцова как у бывшего офицера русской армии в годы Первой мировой войны и окрепло в канун и во время Великой Отечественной войны (Белозёрова 2010). Его сыновья вернулись с фронтов мировой войны израненными и искалеченными, погиб жених дочери (Белозёрова, Кузьминых, Сафонов 2011: 496, 497). Это стало главной причиной его антигерманских настроений.

²⁹ Примером тому жизнь и судьба видного немецкого археолога Герберта Янкуна (1905—1990) — убежденного сторонника национал-социалистической идеологии (см. подробнее: Mahsarski 2011).

№1. 2014

- В: Никольский В.К. *Очерк первобытной культуры*. Москва; Петроград: Государственное издательство, 5—18.
- Городцов В. А. 1924. Археологические раскопки и разведки в Советской России с 1919 по 1923 год. *Древний мир* 1. Москва, 2—20.
- Городцов В. А. 1925. *Таблицы по археологической классификации*. Москва: Госиздат.
- Городцов В. А. 1926а. Археологические исследования. *Большая Советская энциклопедия*. Т. III. Москва, столбцы 532—534.
- Городцов В. А. 1926б. Типологический и сравнительный методы в археологии (тезисы доклада). *Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи* 5, 1.
- Городцов В. А. 1926в. *Типологический метод в археологии*. Рязань: Общество исследователей Рязанского края.
- Городцов В. А. 1927. Бронзовый век на территории СССР. *Большая Советская энциклопедия*. Т. VII. Москва, столбцы 610—626.
- Городцов В. А. 1928. К вопросу о киммерийской культуре. *ТСА РАНИОН* 2, 46—60.
- Григорьев Г. П. 1968. *Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens*. Ленинград: Наука.
- Детлова Е. В. 2011. «Я часто вспоминаю о Красноярске и о дружбе, которую я там встретил...»: (По страницам писем и мемуаров Геро фон Мергарта). В: Карнаухова Л. Л., Сичкарь Н. И. (сост.). *Второй век подвижничества*. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 90—105.
- Ефименко П. П. 1938. *Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени*. 2-е изд., доп. и перераб. Ленинград: Соцэкгиз.
- Китова Л. Ю. 2010. Сергей Александрович Теплоухов. *РА* (2), 166—173.
- Кузьминых С. В. 2011. А. А. Спицын и А. М. Тальгрэн: из истории отечественной археологии начала XX века. *ТАС* 8 (II), 5—27.
- Кузьминых С. В., Сафонов И. Е. 2003. В. А. Городцов и А. М. Тальгрэн: диалог в переписке. В: Шишлина Н. И. (отв. ред.). *Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее*. Тезисы конференции. Ч. 1. Москва: ГИМ, 6—8.
- Кузьминых С. В., Детлова Е. В., Салминен Т. 2007. Геро фон Мергарт и его последнее воспоминание о Сибири. В: Чиндина Л. А. (отв. ред.). *Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья*. Томск: ТГУ, 160—173.
- Кузьминых С. В., Вдовин А. С. 2010. В. А. Городцов и Е. А. Гольмшток: (К истории советско-американских научных связей в области археологии в 1920—30-е годы). В: Иванов Д. А. (отв. ред.). *Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию В. А. Городцова*. Рязань: РИАМЗ, 48—57.
- Кузьминых С. В., Вдовин А. С. 2011. Русский археолог Василий Алексеевич Городцов и Красноярск. *Мир Евразии* 14 (3), 38—42.
- Кузьминых С. В., Белозёрова И. В. 2012а. В. А. Городцов об идеальном типе археологических музеев и единой системе экспозиции археологических памятников. *Образы времени: Из истории древнего искусства. К 80-летию С. В. Студзицкой. Труды ГИМ* 189, 22—34.
- Кузьминых С. В., Белозёрова И. В. 2012б. Русская археология на переломе эпох: В. А. Городцов в 1920-е годы. В: Вдовин А. С., Тункина И. В. (отв. ред.). *Евразийский археолого-историографический сборник*. Санкт-Петербург: С.-Петерб. филиал Архива РАН; Красноярск: КГПУ, 131—152.
- Кузьминых С. В., Сафонов И. Е. 2014. *В. А. Городцов и А. М. Тальгрэн: диалог в переписке*. Москва (в печати).
- Куликова Л. В. 2004. *Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультуры*. Красноярск: РИО КГПУ.
- Михайлов Е. П., Кузьминых С. В. 2003. В. Ф. Смолин и Абашево (К истории археологического изучения Чувашии). В: Кузьмина О. В. (ред.). *Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие*. Чебоксары: ЧГИГН, 12—35.
- Платонова Н. И. 2010. *История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Сафонов И. Е. 2002. Подготовка В. А. Городцовым второго тома серии «Археология». В: Прякин А. Д. (ред.). *Археология в российских университетах*. Воронеж: Воронежский ун-т, 62—70.
- Толстов В. А. 2010. Юность и начало научной карьеры В. А. Городцова. В: Иванов Д. А. (отв. ред.). *Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию В. А. Городцова*. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 6—14.
- Формозов А. А. 2006. *Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки*. 2-е изд., доп. Москва: Знак.
- Фриче В. М. 1928. В. А. Городцов: (К сорокалетию его научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности). *ТСА РАНИОН* IV, 5—8.
- Detlova E. 2010. Die Beziehungen Gero von Merharts zu den Kollegen in Russland. In: Müller-Karpe A., Dobiat C., Hansen S., Parzinger H. (Hrsg.). *Gero von Merhart. Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914—1921. Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg* 59. Marburg, 73—84.
- Gorotsov V. 1933. The typological method in archaeology. *American Anthropologist* 35, 95—102.
- Klejn L. 1999. Vasilij Alekseyevich Gorodcov (1860—1945). In: Murray T. (ed.). *Encyclopedia of archaeology: the great archaeologists*. Vol. 1. Oxford: ABC-CLIO, 247—262.
- Mahsarski D. 2011. *Herbert Janukhn (1905—1990): Ein deutscher Prähistoriker zwischen nationalsozialistischer Ideologie und wissenschaftlicher Objektivität*. Rahnden, Westf: Verlag Marie Leidorf GmbH.
- Merhart G. von. 1926. *Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens*. Wien: Verlag von Anton Schroll & Co.
- Tallgren A. M. 1926. *La Pontide préscythique après l'introduction des métaux*. ESA II. Helsinki.
- Tallgren A. M. 1927. Review: Gero von Merhart. *Bronzezeit am Jenissei*. ESA I, 189—192.

References

- Auerbakh, N. K., Gromov, V. I. 1935. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 118, 219—244 (in Russian).
- Belozeroва, I. V. 2010. In *Chelovek i drevnosti (Man and antiquities)*. Moscow: Grif i K°, 690—702 (in Russian).
- Belozeroва, I. V., Kuzminykh, S. V., Safonov, I. E. 2011. In *Rossiiskii arkhеologicheskii ezhegodnik (Russian archaeological annual)* 1, 472—510 (in Russian).
- Vasiliev, S. A. 2008. *Drevneishee proshloe chelovechestva: poisk rossiiskikh uchenykh (The Earliest History of the Humankind: search by Russian scientists)*. Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).
- Vdovin, A. S. 2008. In *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkhеologicheskogo s'ezda v Suzdale (Works of the 2nd (18th) All-Russian archaeological meeting in Suzdal)* III. Moscow, 197—199 (in Russian).
- Vdovin, A. S., Kuzminykh, S. V. 2012. In *Arkhеologiiia Iuzhnoi Sibiri (Archaeology of Southern Siberia)* 26. Kemerovo: KemGU, 49—54 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1905. In *Trudy XII Vserossiiskogo Arkhеologicheskogo s'ezda (Works of the 12th All-Russian archaeological meeting)* 1. Moscow, 174—225 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1907. In *Trudy XIII Vserossiiskogo Arkhеologicheskogo s'ezda v Ekaterinoslave (Works of the 13th All-Russian archaeological meeting in Yekaterinoslav)* 1. Moscow, 210—285 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1915. In *Otchet Imperatorskogo Rossiiskogo istoricheskogo muzeia za 1914 god (Reports of the Imperial Russian historical museum in 1914)*. Moscow, 121—226 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1923. *Arkhеologiiia (Archaeology)*. Vol. I. *Kamennyi period (Stone age)*. Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1923. In *Ocherk pervobytnoi kul'tury (An Essay on prehistoric culture)*. Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 5—18 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1924. In *Drevnii mir (Ancient World)* 1. Moscow, 2—20 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1925. *Tablitsy po arkhеologicheskoi klassifikatsii (Tables on archaeological classification)*. Moscow: Gosizdat (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1926. In *Bol'shaia Sovetskaia entsiklopediia (Great Soviet Encyclopedia)*. Vol. III. Moscow, col. 532—534 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1926. In *Bulleten' Konferentsii arkhеologov SSSR v Kerchi (Bulletin of the Conference of USSR archaeologists in Kerch)* 5, 1 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1926. *Tipologicheskii metod v arkhеologii (Typological method in archaeology)*. Ryazan: Obshchestvo issledovatelei Ryazanskogo kraia (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1927. In *Bol'shaia Sovetskaia entsiklopediia (Great Soviet Encyclopedia)*. Vol. VII. Moscow, col. 610—626 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1928. In *Trudy sektsii arkhеologii Instituta arkhеologii i iskusstvovedeniia Rossiiskoi assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Works of the department for archaeology of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian association of institutes for research in social sciences)* 2, 46—60 (in Russian).
- Grigoriev, G. P. 1968. *Nachalo verkhnego paleolita i proiskhozhdenie Homo sapiens (The Beginning of the Upper Palaeolithic and the Origin of Homo Sapiens)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Detlova, E. V. 2011. In *Vtoroi vek podvizhnichestva (The second century of self-sacrifice)*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii kraevoi kraevedcheskii muzei, 90—105 (in Russian).
- Efimenko, P. P. 1938. *Pervobytnoe obshchestvo. Ocherki po istorii paleoliticheskogo vremeni (Primitive society. Essays on the history of the Paleolithic period)*. 2-e izd., dop. i pererab. Leningrad: Sotsekgiz (in Russian).
- Kitova, L. Yu. 2010. In *Rossiiskaia Arkhеologiiia (Russian Archaeology)* (2), 166—173 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V. 2011. In *Tverskoi arkhеologicheskii sbornik (Tver archaeological compilation)* 8 (II), 5—27 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Safonov, I. E. 2003. In *Chteniiia, posviashchennye 100-letiiu deiatel'nosti Vasiliia Alekseevicha Gorodtsova v Gosudarstvennom istoricheskom muzee (Readings to celebrate 100 years from the beginning of Vasiliia Alekseevich Gorodtsov' activity in the State historical museum)*. P. 1. Moscow: GIM, 6—8 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Detlova, E. V., Salminen, T. 2007. In *Arkhеologicheskie materialy i issledovaniia Severnoi Azii drevnosti i srednevekov'ia (Archaeological materials and researches in the antiquity and middle ages of Northern Asia)*. Tomsk: TGU, 160—173 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Vdovin, A. S. 2010. In *Problemy izucheniia i sokhraneniia arkhеologicheskogo nasledii Tsentral'noi Rossii: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 150-letiiu V. A. Gorodtsova (Problems of research and preservation of the archaeological heritage of Central Russia: Materials of the all-Russian scientific and practical conference, held to the anniversary of 150 years from the birth of V. A. Gorodtsov)*. Ryazan: RIAMZ, 48—57 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Vdovin, A. S. 2011. In *Mir Evrazii (World of Eurasia)* 14 (3), 38—42 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Belozeroва, I. V. 2012. In *Obrazy vremeni: Iz istorii drevnego iskusstva (Images of time: From the history of the ancient art)*. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 189, 22—34 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Belozeroва, I. V. 2012. In *Evraziiskii arkhеologicheskii sbornik (Eurasian archaeological and historiographical compilation)*. Saint Petersburg: S.-Peterburgskii filial Arkhiva RAN; Krasnoyarsk: KGPU, 131—152 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Safonov, I. E. 2014. *V. A. Gorodtsov i A. M. Tal'gren: dialog v perepiske (V. A. Gorodtsov and A. M. Tallgren: a dialogue in correspondence)*. Moscow, in print (in Russian).
- Kulikova, L. V. 2004. *Mezhkul'turnaia kommunikatsiia: teoreticheskie i prikladnye aspekty. Na materiale russkoi i nemetskoi lingvokul'tur (Intercultural communication: theoretical and practical aspects. Basing on the Russian and German linguocultures)*. Krasnoyarsk: RIO KGPU (in Russian).
- Mikhailov, E. P., Kuzminykh, S. V. 2003. In *Abashevskaiia kul'turno-istoricheskaiia obshchnost': istoki, razvitie, nasledie (Abashevo cultural-historical entity: origins, development, heritage)*. Cheboksary: ChGIGN, 12—35 (in Russian).
- Platonova, N. I. 2010. *Istoriia arkhеologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraia polovina XIX — pervaiia tret' XX veka (History of archaeological thought in Russia. Second half of the 19th — first third of 20th century)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia (in Russian).
- Safonov, I. E. 2002. In *Arkhеologiiia v rossiiskikh universitetakh (Archaeological in Russian universities)*. Voronezh: Voronezhskii universitet, 62—70 (in Russian).
- Tolstov, V. A. 2010. In *Problemy izucheniia i sokhraneniia arkhеologicheskogo nasledii Tsentral'noi Rossii: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 150-letiiu V. A. Gorodtsova (Problems of research and preservation of the archaeological heritage of Central Russia: Materials of the all-Russian scientific and practical conference, held to the anniversary of 150 years from the birth of V. A. Gorodtsov)*. Ryazan: RIAMZ, 6—14 (in Russian).
- Formozov, A. A. 2006. *Russkie arkhеologi v period totalitarizma: Istoriograficheskie ocherki (Russian archaeologists in the totalitarian period: historiographical essays)*. 2nd ed. Moscow: Znack (in Russian).

№1. 2014

- Friche, V. M. 1928. In *Trudy seksii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvovoznaniia Rossiiskoi assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (Works of the department for archaeology of the Institute of Archaeology and Art Studies of the Russian association of institutes for research in social sciences) IV*, 5—8 (in Russian).
- Detlova E. 2010. Die Beziehungen Gero von Merharts zu den Kollegen in Russland. In: Müller-Karpe A., Dobiat C., Hansen S., Parzinger H. (Hrsg.). *Gero von Merhart. Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914—1921. Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg* 59. Marburg, 73—84.
- Gorotsov V. 1933. The typological method in archaeology. *American Anthropologist* 35, 95—102.
- Klejn L. 1999. Vasilij Alekseyevich Gorodcov (1860—1945). In: Murray T. (ed.). *Encyclopedia of archaeology: the great archaeologists*. Vol. 1. Oxford: ABC-CLIO, 247—262.
- Mahsarski D. 2011. *Herbert Jankuhn (1905—1990): Ein deutscher Prähistoriker zwischen nationalsozialistischer Ideologie und wissenschaftlicher Objektivität*. Rahnden, Westf: Verlag Marie Leidorf GmbH.
- Merhart G. von. 1926. *Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens*. Wien: Verlag von Anton Schroll&Co.
- Tallgren A.M. 1926. *La Pontide préscythique après l'introduction des métaux*. ESA II. Helsinki.
- Tallgren A.M. 1927. Review: Gero von Merhart. Bronzezeit am Jenissei. *ESA I*, 189—192.

Статья поступила в номер 15 ноября 2013 г.

Ekaterina Detlova (Krasnoyarsk, Russia). Krasnoyarsk Museum of Local Lore¹.

Ekaterina Detlova (Krasnoyarsk, Russia). Muzeul de studii locale din Krasnoyarsk.

Детлова Екатерина Владимировна (Красноярск, Россия). Красноярский краевой краеведческий музей.

E-mail: detlova2012@yandex.ru

Andrei Burovsky (Saint Petersburg, Russia). Doctor of Philosophical Sciences. Federal State Unitar Organisation "Geological Expertise"².

Andrei Burovsky (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în științe filosofice. Întreprinderea federală unitară de stat „Expertiza geologică”.

Буровский Андрей Михайлович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор философских наук. Федеральное государственное унитарное предприятие «Геолэкспертиза».

E-mail: burovsky@mail.ru

Sergei Kuzminykh (Moscow, Russia). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences³.

Sergei Kuzminykh (Moscova, Rusia). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie, Academia de Științe a Rusiei.

Кузьминых Сергей Владимирович (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

Addresses: ¹ Dubrovinsky St., 84, Krasnoyarsk, 660049, Russia; ² Bolshaya Gruzinskaya Str., 2, Moscow, 123242, Russia;

³ Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russia